

Екатерина Мордвинцева, Анна Князева

**Чашечка кофе, или Я твой
десерт**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Чашечка кофе, или Я твой десерт / Екатерина Мордвинцева, Анна Князева –
М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. –
236 с.

ISBN 978-5-524-00467-3

Три года она работала на него, ни разу не увидев вживую. Он знал о ней всё. Когда она приехала к нему домой с документами, которые могла найти только она, он уже решил, что она останется. Навсегда.

ISBN 978-5-524-00467-3

© Lennex Corp, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

**Екатерина Мордвинцева,
Анна Князева**

**Чашечка кофе,
или Я твой десерт**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е., Князева А.

М79 Чашечка кофе, или Я твой десерт / Екатерина Мордвинцева, Анна Князева. – М.: Литнет, 2026. – 236 с.

ISBN 978-5-524-00467-3

Три года она работала на него, ни разу не увидев вживую. Он знал о ней всё. Когда она приехала к нему домой с документами, которые могла найти только она, он уже решил, что она останется. Навсегда.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00467-3

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026
© Князева А., 2026

Глава 1

Будильник зазвенел в семь тридцать, и я с чистой совестью нажала на кнопку «отбой», планируя провалиться в сон ещё на час. Отпуск – святое. Отпуск, который я ждала восемь месяцев, тринадцать дней и, если быть совсем честной, около шести часов. Я должна была лежать в этом постели до тех пор, пока тело само не решит, что достаточно отдыхало. А потом – неспешный завтрак с кофе на террасе, дорожная сумка, брошенная в багажник, и четыре часа езды до базы в предгорьях, где меня ждали трекинговые маршруты, запах хвои и тишина.

Настоящая тишина. Без вечно звянящего корпоративного мессенджера, без стука каблучков Леночки, которые она почему-то не снимает даже когда сидит на месте, без голоса Максима Владимировича, который умел звучать в голове даже когда его не было рядом.

Я перевернулась на другой бок, уткнулась носом в прохладную подушку и представила, как через пару часов выезжаю из города. Горные тропы, сухой воздух, палатка, которую я сама себе поставила, – ритуал, к которому я готовилась два года. В прошлый отпуск что-то пошло не так – то проект горел, то немецкие партнёры прислали документы с ошибками, которые только я могла исправить за выходные. В этот раз я подготовилась основательно. Всё сдано. Всё закрыто. Все, кому положено, предупреждены, что Ника Лисицына две недели будет недоступна.

Телефон завибрировал на тумбочке.

Я не открыла глаза. Вибрация – это всего лишь уведомление. Погода, новости, рассылка из любимого книжного. Ничего, что нельзя было бы проигнорировать ещё полчаса.

Телефон завибрировал снова. И тут же – третий раз, уже настойчивее, как будто кто-то не собирался ждать.

В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Я протянула руку, нащупала холодный корпус, поднесла к глазам.

Семь утра? Да ну, бред.

Экран горел списком сообщений в рабочем чате. Пять штук. Потом ещё три. Потом пропущенный вызов – от Леночки, секретарши приёмной. Следом – голосовое сообщение от неё же.

Я не стала его слушать. Я просто смотрела на экран, и внутри медленно, как ртуть в разбитом градуснике, расплзлось чувство, которое я ненавидела больше всего на свете.

Чувство, что мой отпуск только что закончился, даже не начавшись.

Голосовое сообщение я всё-таки прослушала, потому что надеялась на чудо. Может, Леночка ошиблась номером. Может, её сообщение предназначалось кому-то другому.

– Ник, привет! Извини, что отвлекаю, но тут такое дело... Максим Владимирович с утра звонил, говорит, срочно нужен договор по «Иннотеху», а я никак не могу его найти. Ты не помнишь, куда его положила? А то он уже два раза звонил, очень недоволен. Ты не могла бы заехать? Скину адрес.

Скину адрес.

Она скинула адрес.

Я сидела на кровати, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев, и перечитывала сообщение с адресом офиса. Как будто я не знала, где находится офис. Как будто я не ходила туда пять дней в неделю последние три года.

«Очень недоволен».

Она хотя бы понимает, что говорит? Она хоть раз задумывалась, что значит «очень недоволен» в исполнении Максима Владимировича Туманова для человека, у которого ипотека и больная мать в другом городе?

Впрочем, чего я хочу от Леночки. Девушка, чья главная профессиональная компетенция – выбирать помаду, подходящую к цве-

ту наращенных ногтей, вряд ли вообще осознаёт слово «ипотека». Для неё жизнь – это утренний кофе с коллегами, обсуждение новых сумок и лёгкое удивление, когда кто-то вдруг начинает работать.

Я открыла чат с Леночкой и посмотрела на время её первого общения. 6:42.

Шесть сорок две, мать вашу. В мой законный, заслуженный, утверждённый и подписанный всеми возможными визами отпуск.

Я попыталась взять себя в руки. Может, я преувеличиваю. Может, действительно что-то срочное. Может, договор по «Иннотеху» – это тот самый контракт, который мы три месяца готовили с немецкой стороной. Если он потеряется...

Но тут же в голове включился рациональный механизм, который не давал мне врать самой себе. Я помнила этот договор. Я сама его подшивала. В папку, на которой маркером написала название проекта и поставила дату. Папка стояла в шкафу слева, на второй полке, между отчётами за прошлый квартал и регламентами по работе с персональными данными.

Туда, куда Леночка, судя по всему, даже не заглянула. Я сделала глубокий вдох. И ещё один.

Всё внутри кипело. Я представила, как сейчас наберу ей голосовое и выскажу всё, что думаю о её «никак не могу найти». Но голосовые сообщения имеют свойство сохраняться. А Максим Владимирович Туманов – человек, который, по слухам, знал о своих сотрудниках больше, чем их собственные матери.

Я сдержалась.

Написала коротко: «Еду».

Телефон упал на кровать. Я сидела, глядя в стену, и чувствовала, как из меня вытекает всё то спокойствие, которое я копила последнюю неделю. Выходные, которые я посвятила тому, чтобы разобрать дела, закрыть все хвосты, оставить чёткие инструкции. Я даже написала Леночке памятку – где что лежит, куда смотреть, кого спрашивать в экстренных случаях.

Думала, она хотя бы прочитает. Наивная.

В душе я стояла под горячей водой дольше обычного, надеясь, что пар смоем раздражение. Не смыл. Потом пила кофе, глядя на собранный у двери рюкзак с трекинговыми ботинками, и чувствовала, как внутри закипает злость, которую уже не скрыть за вежливой улыбкой.

Горы. Я должна была быть в горах.

Я запланировала этот маршрут ещё в феврале. Купила новое снаряжение, нашла гида, который согласился провести меня по сложному маршруту на Тырнауз, договорилась с базой. Я представила, как иду по хребту, где ветер сдувает всю городскую пыль, где не нужно никому ничего доказывать, где единственный начальник – это мои собственные ноги и погода.

Вместо этого я натягивала строгие брюки и белую блузку, которую терпеть не могла, потому что она требовала постоянного внимания.

Максим Владимирович Туманов.

Я произнесла это имя про себя и почувствовала, как желчь подступает к горлу.

Я никогда не видела его вживую. Только на фотографиях в деловых журналах и раз в полгода – на общих собраниях, где он сидел в дальнем конце стола, а мы, простые смертные, наблюдали за ним с безопасного расстояния в несколько метров. Но его присутствие чувствовалось всегда. В чётких инструкциях, спускаемых сверху. В жёстких сроках, которые нельзя было нарушить. В той атмосфере лёгкого, перманентного страха, который витал в коридорах «Туманов Групп».

Три года я работала в этой компании. Три года я видела, как люди увольнялись, не выдержав давления. Как целые отделы перетряхивали, как кого-то повышали, а кто-то исчезал в неизвестном направлении после одного неверного шага. И каждый раз за всем этим стоял он.

Человек, которого никто не называл по имени. Только «Максим Владимирович». Или, в кулуарах, – «Туманов». С ударением на последнем слогe, как будто само имя было приговором.

Я не знала, каков он в жизни. Но я точно знала: его слово – закон. Его недовольство – катастрофа. И если он сказал «найти договор», значит, договор должен быть найден, даже если для этого придётся поднять из могилы того, кто его подписывал.

Я посмотрела на себя в зеркало. Собранные в низкий пучок волосы, никакой косметики, кроме стрелок и помады – мой стандартный рабочий набор.

Лицо выглядело спокойным, только глаза выдавали. Я злилась.

Не на Леночку – на неё глупо злиться, это как злиться на дождь за то, что он мокрый. Я злилась на ситуацию. На то, что мой отпуск, который я так тщательно планировала, рассыпался по вине чьей-то лени. На то, что я, взрослый человек с высшим образованием и многолетним стажем, не могла сказать «нет», потому что за спиной у меня висела ипотека, которую я выплачивала одна, и мать, которая в любой момент могла позвонить и сказать, что ей снова плохо.

Я могла бы, конечно, отказаться. Сказать: «Извините, я в отпуске, разбирайтесь сами». Но я слишком хорошо знала, что значит «разбирайтесь сами» в компании, где работает Леночка.

Это значит, что договор не найдут никогда. Что через три дня, когда немецкие партнёры позвонят и спросят, почему документы не отправлены, стрелки переведут на меня. Что Максим Владимирович Туманов, который никогда не вникает в детали, просто увидит: ответственная за документ – Лисицына. Лисицына в отпуске. Лисицына не удосужилась передать дела.

И тогда никакие объяснения не помогут.

Я взяла ключи, бросила последний взгляд на рюкзак у двери и вышла из квартиры.

В машине я включила музыку погромче, надеясь, что тяжёлый гитарный рифф перекроет внутренний монолог. Не перекрыл.

Дорога до офиса заняла сорок минут – по утреннему городу всегда было так себе, а в час пик превращалось в ад. Я ехала и думала о том, почему в этой компании всё устроено так, что работающие люди не могут отдохнуть, а те, кто только создаёт видимость работы, процветают.

Леночка. Красивая, ухоженная, с идеальным маникюром и полным отсутствием мозгов. Как она вообще попала в приёмную? По знакомству? По блату? Или Максим Владимирович просто решил, что секретарша должна радовать глаз, а не уметь работать с документами? Я видела таких девушек в каждой второй компании: они занимают места, на которых могли бы быть профессионалы, но вместо этого они точат ногти, пьют кофе и делают вид, что их присутствие – это уже работа.

А те, кто реально работает, вынуждены разгребать за ними. Как сегодня.

Я сжала руль так, что кожаные перчатки скрипнули. Сделала глубокий вдох.

Вдох-выдох.

Я въеду в офис, найду этот чёртов договор, который, я уверена, лежит на самом видном месте, и уеду. Весь этот цирк займёт максимум час. Потом я вернусь домой, переоденусь, сяду в машину и поеду в горы.

Отпуск не потерян. Просто откладывается на час. Я почти поверила в это.

Офис «Туманов Групп» располагался в бизнес-центре на набережной – стеклянном монолите, который отражал утреннее солнце так, что глазам становилось больно. Я припарковалась на служебной

стоянке, прошла через турникеты, помахала охраннику Семёнычу, который смотрел на меня с сочувствием.

– Лисицына, а вы вроде в отпуске должны быть? – спросил он, отрываясь от монитора с камерами.

– Должна, Семёныч, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Но нашла приключения на одно место.

– Бывает, – кивнул он. – Вы не переживайте, быстро управитесь.

Я улыбнулась ему в ответ и направилась к лифтам. Внутри всё сжалось, когда двери открылись и я шагнула в прохладный полумрак кабины. Нажала кнопку двадцать третьего этажа – этажа, где располагалась приёмная и кабинеты руководства.

На каждом этаже были свои запахи. На первом – кофе из автомата и свежая выпечка из буфета. На десятом – типографская краска и бумага, потому что там сидел архив. На двадцать третьем пахло дорогим деревом, кожей и – неуловимо – деньгами.

Лифт открылся, и я шагнула в приёмную.

Здесь всё было, как всегда. Мягкий ковролин, приглушающий шаги. Строгие кожаные кресла для посетителей. Стол секретаря, за которым восседала...

Леночка.

Вот она сидела, откинувшись на спинку кресла, и с тем видом глубокой сосредоточенности, который бывает у людей, решающих вопрос жизни и смерти, точила пилочкой ногти. Её рабочее место выглядело так, будто здесь только что прошёл ураган: разбросанные бумаги, пустые чашки из-под кофе, телефонная трубка, снятая и брошенная на рычаг.

Она подняла голову, когда я вошла, и на её лице расцвела та самая улыбка, которая меня бесила больше всего – улыбка человека, который искренне не понимает, почему кто-то может злиться на неё.

– Ой, Ника, привет! – воскликнула она, даже не подумав встать. – Не думала, что ты приедешь так быстро.

Я посмотрела на часы. От её первого сообщения прошёл час. Час, за который я успела вырваться из сна, принять душ, выпить кофе,

одеться и проехать полгорода. Леночка за этот час, судя по всему, только и сделала, что переместилась с одного места на другое.

– Привет, – сказала я ровным голосом, хотя внутри всё кипело. – Так что именно ты не смогла найти?

Она отложила пилочку и задумчиво посмотрела на свой идеальный маникюр, как будто это был вопрос, требующий серьёзных размышлений.

– Максиму Владимировичу срочно нужен договор по «Инноте-ху», – протянула она. – А я его нигде не могу найти. Ты же всегда всё знаешь, ты же его последняя видела.

– В каком смысле «последняя видела»? – я почувствовала, как в голосе прорезаются металлические нотки. – Договор подшит в архив. В папку. С названием. На второй полке.

Леночка захлопала ресницами, и на её лице появилось выражение, которое я видела у первокурсников на экзамене, когда они не учили билеты.

– Я... ну... я смотрела вроде...

– Ты смотрела, – повторила я, медленно, как будто разговаривала с ребёнком. – Или ты сделала вид, что смотришь, чтобы не напугаться?

– Ника! – возмутилась она. – Что ты такое говоришь? Я старалась!

Я посмотрела на её стол. Бумаги, которые она даже не удосужилась разложить по папкам. Чек из кофейни. Новая помада, которую она, видимо, купила по дороге на работу. И ни одного признака того, что кто-то здесь вообще пытался искать какой-то договор.

Вдох-выдох. Я не сорвусь. Я профессионал. Я выше этого.

– Леночка, – сказала я, и мой голос стал тихим, почти ласковым, – ты когда-нибудь смотрела в тот шкаф? – я кивнула на высокий металлический шкаф в углу приёмной, где хранилась рабочая документация.

– Смотрела, – обиженно надула губки она.

– И что ты там видела?